

·thebigbook·

[Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>](#)

Книги
Грегори Дэвида
РОБЕРТСА

ШАНТАРАМ

ТЕНЬ ГОРЫ

Грегори Дэвид
РОБЕРТС

ТЕНЬ ГОРЫ

Санкт-Петербург

[Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>](http://kniga.biz.ua)

УДК 821(94)
ББК 84(8Авс)-44
Р 58

Gregory David Roberts
THE MOUNTAIN SHADOW
Copyright © 2015 by Gregory David Roberts
All rights reserved

Перевод с английского
Василия Дорогокупли (части 1–5),
Александры Питчер (части 6–10),
Льва Высоцкого (части 11–15)

Оформление обложки Ильи Кучмы

ISBN 978-5-389-10812-7

© Л. Н. Высоцкий, перевод, 2016
© В. Н. Дорогокупля, перевод, 2016
© А. Питчер, перевод, 2016
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2016
Издательство АЗБУКА®

[Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>](http://kniga.biz.ua)

Одни эпизоды я беру из моей жизни и описываю почти без изменений, другие сочиняю, пусть и на основе собственного опыта. «Шантарам» и «Тень горы» — это романы, а не автобиографии; мои персонажи и диалоги — продукт фантазии. Для меня не имеет большого значения, насколько мои книги достоверны фактически; важнее другая достоверность — психологическая. Я радуюсь, когда меня спрашивают, как поживает Карла или как я запомнил все эти разговоры — разговоры, на сочинение которых у меня ушло столько лет. Очень хорошо, что люди думают, будто все это правда от первого слова до последнего, — значит я достоверно сочинил.

Но одной достоверности мало — нужно дать читателю то, за чем он будет возвращаться еще и еще, перечитывать и каждый раз находить что-то новое, на более глубоком уровне. Поэтому я использую множество аллегорических отсылок: в «Шантараме» — к дантовскому «Аду» и к Библии, в «Тени горы» — к «Энеиде» и «Эпосу о Гильгамеше». Аллегии подобны призракам: незримые и вездесущие, они пронизывают мой текст, рассказывая свои собственные истории — о древних битвах и горящих кораблях, о поиске любви и веры. Они как эхо в пещере, как отблески того же творческого пламени. И если благодарный читатель после моих книг обратится к первоисточникам — что ж, значит я исполнил свой долг перед теми, кто пришел раньше и сделал нас теми, кто мы есть.

*Грегори Дэвид Робертс
Последнее интервью. 5 октября 2015*

«Шантарам» был и остается международным суперхитом, «Тень горы» также обречена на успех.

Library Journal

Долгожданное продолжение «Шантарамы» не укладывается ни в какие рамки — и в этом-то самая прелесть. Главный герой Лин по прозвищу Шантарам — бывший заключенный, бежавший из австралийской тюрьмы, — колесит по Бомбею на мотоцикле, не боится ввязываться в драки, цитирует классиков и доблестно пытается залечить разбитое сердце.

Publishers Weekly

После прочтения первого романа Грегори Дэвида Робертса, «Шантарам», собственная жизнь покажется вам пресной... Робертса сравнивали с лучшими писателями, от Мелвилла до Хемингуэя.

Wall Street Journal

Мастерски написанный готовый киносценарий в форме романа, где под вымышленными именами выведены реальные лица... Он раскрывает нам Индию, которую мало кто знает.

Kirkus Review

В Австралии его прозвали Благородным Бандитом, потому что он ни разу никого не убил, сколько бы банков ни ограбил. А после всего он взял и написал этот совершенно прекрасный, поэтичный, аллегорический толстенный роман, который буквально снес мне крышу.

Это поразительный читательский опыт, — по крайней мере, я был поражен до глубины души. Я только что видел первый вариант сценария и уверяю вас: фильм будет выдающийся.

Джонни Денн

[Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>](http://kniga.biz.ua)

В своем романе Робертс описывает то, что сам видел и пережил, но книга выходит за рамки автобиографического жанра. Да не отпугнет вас ее объем: «Шантарам» — одно из самых захватывающих повествований о человеческом искуплении в мировой литературе.

Giant Magazine

Удивительно то, что после всего пережитого Робертс смог вообще что-нибудь написать. Он сумел выбраться из бездны и уцелеть... Его спасением была любовь к людям... Настоящая литература способна изменить жизнь человека. Сила «Шантарам» — в утверждении радости прощения. Надо уметь сопереживать и прощать. Прощение — это путеводная звезда в темноте.

Dayton Daily News

Книга насыщена колоритным юмором. Чувствуешь пряный аромат хаоса бомбейской жизни во всем его великолепии.

Minneapolis Star Tribune

Поистине эпическое произведение. Это необъятный, не уместающийся ни в какие рамки, непричесанный, неотразимый, неожиданный роман.

The Seattle Times

Если бы меня спросили, о чем эта книга, я ответил бы, что обо всем, обо всем на свете. Грегори Дэвид Робертс сделал для Индии то же, что Лоренс Даррелл для Александрии, Мелвилл для южных морей и Торо для озера Уолден. Он ввел ее в круг вечных тем мировой литературы.

Пэт Конрой

Это увлекательная, неотразимая, многогранная история, рассказанная прекрасно поставленным голосом. Подобно шаману — ловцу привидений, Грегори Дэвиду Робертсу удалось уловить самый дух произведений Анри Шарьера, Рохинтона Мистри, Тома Вулфа и Марио Варгаса Льюсы, сплавить это все воедино силой своего волшебства и создать уникальный памятник литературы. Рука бога Ганеши выпустила на волю слона, чудовище бежит, выйдя из-под контроля, и тебя невольно охватывает страх за храбреца, вознамерившегося написать роман об Индии. Грегори Дэвид Робертс — гигант, которому эта задача оказалась по плечу, он блистательный гуру и гений, без всякого преувеличения.

Мозес Исезава

Человек, которого «Шантарам» не тронет до глубины души, либо не имеет сердца, либо мертв, либо то и другое одновременно. Я уже много лет не читал ничего с таким наслаждением. «Шантарам» — это «Тысяча и одна ночь» нашего века. Это бесценный подарок для всех, кто любит читать.

Джонатан Кэрролл

Это потрясающая, трогательная, страшная, великолепная книга, необъятная, как океан.

Detroit Free Press

Это всеобъемлющий, глубокий роман, населенный персонажами, которые полны жизни. Но самое сильное и отрадное впечатление оставляет описание Бомбея, искренняя любовь Робертса к Индии и населяющим ее людям... Робертс приглашает нас в бомбейские трущобы, опиумные притоны, публичные дома и ночные клубы, говоря: «Заходите, мы с вами».

Washington Post

[Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>](http://kniga.biz.ua)

Посвящается Богине

[>>> Купить книгу на сайте kniga.biz.ua](http://kniga.biz.ua)

Часть первая

ГЛАВА

1

Источник всего сущего — свет — может проявляться по-разному, и проявлений этих намного больше, чем звезд во Вселенной, поверьте. Порой всего лишь одной доброй мысли довольно, чтобы твой свет воссиял. В то же время один лишь неверный поступок способен испепелить заповедный лес в твоей душе, так что для тебя померкнет сияние всех звезд под всеми небесами. И дотлевающие угли потерянной любви или утраченной веры будут внушать тебе, что все кончено и жить больше незачем. Но это не так. И никогда так не было и не будет. Что бы ты ни делал и где бы ни очутился, сияние останется с тобой. Все светлое, что кажется умершим внутри тебя, вновь оживет, если ты по-настоящему этого захочешь. Сердце просто не в силах отрешиться от надежды, потому что сердце не умеет лгать. Перевернув страницу в книге жизни и подняв глаза, ты вдруг встретишь улыбку абсолютно незнакомого человека, и поиск пойдет по новому кругу. Но это не будет повторением прежнего. Всякий раз это нечто иное, нечто особенное. Так и твой заповедный лес, заново выросший на пепелище, может оказаться более густым и мощным, чем был до пожара. И если ты удержишься в этом сиянии, в этом новом круге света внутри себя, не помня зла и никогда не сдаваясь, рано или поздно ты вновь окажешься там, где любовь и красота сотворили мир: в самом начале. В начале начал.

— Ого, да это Лин! Вот так начало дня! — прокричал Викрам из влажного сумрака. — Как ты меня нашел? Когда ты вернулся?

— Только что, — сказал я и шагнул с веранды через порог широченных французских дверей. — Мне сказали, ты должен быть здесь. Выйди на минутку.

— Нет уж, лучше ты заходи, дружище, — рассмеялся Викрам. — Кое с кем познакомишься.

Я не спешил принять это приглашение. Двери закрылись, и после залитой солнцем улицы мои глаза различали в глубине

комнаты лишь стуски теней, рассеченные двумя лезвиями яркого света, который прорывался сквозь щели в опущенных жалюзи. И в этих узких лучах клубился дым с запахами гашиша и жженой ванили, последний — от курения плохо очищенного героина.

Позднее, вспоминая тот день, тяжелый дурманный аромат, смутные тени и разрезающие комнату лучи, я задавался вопросом: уж не сама ли судьба пыталась меня уберечь, задерживая на входе и не пуская внутрь? И еще я спрашивал себя: насколько иной была бы моя жизнь, развернись я тогда и уйди прочь?

Варианты действий, которые мы выбираем, являются ветвями на гигантском дереве возможностей. И так уж вышло, что Викрам и незнакомцы в той комнате стали ветвями, которые на протяжении трех сезонов дождей тесно переплетались с моей ветвью в этих урбанистических джунглях любви, смерти и воскрешения.

Одну деталь я запомнил особо отчетливо: когда я (сам еще не понимая почему) в нерешительности застыл на пороге и возникший из сумрака Викрам взял меня за локоть, чтобы увлечь вглубь комнаты, я внезапно содрогнулся всем телом от прикосновения его влажной руки.

Самым примечательным объектом в этом просторном помещении была монументальная, длиной метра три, кровать у левой стены. На кровати лежал, вытянувшись и сложив руки на груди, мужчина в серебристой пижаме, не подававший признаков жизни. Во всяком случае, я не заметил ни малейшего движения его грудной клетки. По краям кровати слева и справа от него сидели двое и сосредоточенно набивали чиллумы¹.

Изрядную часть стены прямо над головой мертвого — или спящего мертвым сном — занимало изображение пророка Заратустры, почитаемого парсами².

Когда глаза привыкли к полумраку, я разглядел у противоположной от входа стены три кресла, разделенные парой массивных старинных комодов; и в каждом из кресел кто-то сидел.

Еще там был огромный и очень дорогой персидский ковер на полу, а на стенах — множество фотографий людей в традиционных одеяниях парсов. У правой стены, напротив кровати, на мраморном столике разместился музыкальный центр. Неторопливое вращение двух потолочных вентиляторов почти не тревожило густые клубы дыма, витавшие в комнате.

¹ *Чиллум* — прямая трубка из глины или стекла (реже — из дерева, камня и др. материалов) с обточенным камешком внутри в качестве фильтра, традиционно используемая для курения гашиша и марихуаны. — *Здесь и далее примеч. перев.*

² *Парсы* — жители Индии иранского происхождения, исповедующие зороастризм.

Викрам провел меня мимо кровати и представил человеку, сидевшему в ближайшем из трех кресел. Европейской внешности; ростом явно выше меня, судя по длинному телу и еще более длинным ногам (развалившись в кресле, он принял такую позу, словно лежал в ванне, высоко задрав колени). На вид ему было лет, наверно, тридцать пять.

— Это Конкэннон, — сказал Викрам, подталкивая меня вперед. — Он из ИРА¹.

Рука, пожимавшая мою, была теплой, сухой и очень сильной.

— К чертям собачьим ИРА! — произнес он с характерным североирландским акцентом. — Я ольстерец, из Ассоциации оборон², хотя такие нюансы выше понимания сраных дикарей вроде этого Викара.

Мне понравился решительный блеск в его глазах, но не понравилась его грубость. Кивнув в знак приветствия, я прервал рукопожатие.

— Не слушай его, — сказал Викрам. — Он вечно хамит и обливает всех грязью, зато оттянуться по полной может так, как никто из иностранцев, а уж я-то их повидал.

Говоря это, он подвел меня к среднему креслу. Сидевший в нем молодой человек как раз в тот момент раскуривал чиллум с гашишем от спички, которую ему поднес сосед из третьего кресла. Пламя втянулось в трубку, а затем выплеснулось на выдохе, взметнувшись над головой курильщика.

— *Бом Шанкар!*³ — крикнул Викрам, протягивая руку к трубке. — Лин, это Навин. Он частный детектив. Клянусь честью, настоящий детектив! Навин, это Лин, о котором я тебе рассказывал. Он врачует людей в трущобах.

Молодой человек поднялся и пожал мне руку.

— Вообще-то, я не так чтобы настоящий детектив, пока что, — промолвил он и криво улыбнулся.

— Не беда, — сказал я, улыбаясь в ответ. — А я не так чтобы настоящий врач, если на то пошло.

¹ *ИРА (Ирландская республиканская армия)* — радикальная националистическая организация, добывающая отделения Северной Ирландии от Великобритании и воссоединения ее с Ирландской Республикой. В 2005 г. руководство ИРА объявило о прекращении вооруженной борьбы, но одна из отколовшихся фракций, «Подлинная ИРА», продолжила террористическую деятельность.

² *Ассоциация обороны Ольстера* — протестантская военизированная группировка в Северной Ирландии, созданная в противовес католической ИРА. В 2010 г. группировка объявила о своем разоружении.

³ *Бом Шанкар!* — одна из мантр, выкрикиваемых индийскими курильщиками гашиша перед затяжкой. По сути, это приветственное обращение к Шиве, богу-покровителю чараса (гашиша). Шанкар — одно из многих имен этого бога.

Третий человек, перед тем подносивший спичку к чиллumu, затынулся в свою очередь и предложил трубку мне. Я изобразил вежливый отказ, и тогда он передал ее одному из мужчин, сидевших на кровати.

— Винсон, — представился он; рука при пожании напомнила мне лапу большого добродушного пса. — Стюарт Винсон. Много о вас наслышан, старина.

— Да о Лине здесь наслышана любая подзаборная шавка, — заявил Конкэннон, принимая трубку у одного из людей с кровати. — Викрам трещит о тебе с утра до ночи, как сопливая фанатка о любимой поп-звезде. Лин то, Лин сё, Лин туда, Лин сюда и хрен знает куда еще. Признайся, Викрам, ты у него отсасывал? Он и впрямь так хорош или это просто байки?

— Боже правый, Конкэннон! — воскликнул Винсон.

— А что такого? — удивился Конкэннон. — Что такого? Я всего лишь задал человеку вопрос. Индия пока еще свободная страна, не так ли? По крайней мере, в тех ее частях, где говорят по-английски.

— Не обращай внимания, — сказал мне Винсон, пожимая плечами. — Уж таков он есть и ничего не может с собой поделаться. У него типа херачий синдром Туретта¹.

Американец Стюарт Винсон обладал крепким телосложением, широкими и правильными чертами лица и копной светлых волос, как будто растрепанных сильным порывом ветра, что придавало ему вид бесшабашного морского бродяги, этакого яхтсмена-одиночки в кругосветном плавании. На самом же деле он был наркоторговцем, и весьма преуспевающим. Я слышал о нем, точно так же как он слышал обо мне.

— А это Джамал, — сказал Викрам, пропустивший мимо ушей слова Винсона и Конкэннона и теперь знакомивший меня с человеком на левой стороне кровати. — Сам импортирует сырье, сам его перерабатывает, сам фасует и сам же выкуривает. Все-в-одном.

— Все-в-одном, — повторил Джамал.

Он был тощий, с глазами-хамелеонами и весь в священных амулетах с головы до ног. Впечатленный таким благочестием, я бегло оглядел коллекцию и успел опознать символику пяти крупнейших религий, прежде чем зацепился взглядом за его улыбку.

— Все-в-одном, — сказал я.

— Все-в-одном, — повторил он.

¹ *Синдром Туретта* — впервые научно описанный французским врачом Жилем де ла Туреттом (1857–1904) вид нервного расстройства, сопровождаемого множественными тиками и периодическим выкрикиванием бранных слов и оскорблений.

— Все-в-одном, — сказал я.

— Все-в-одном, — повторил он.

Я был готов продолжить эту интересную беседу, но меня прервал Викрам.

— Билли Бхасу, — объявил он, представляя мне тщедушного человечка с кожей кремового цвета, который сидел на кровати по другую сторону от неподвижного тела.

Билли Бхасу соединил ладони в приветствии, после чего продолжил чистку одного из чиллумов.

— Билли Бхасу — «доставала», — сообщил мне Викрам. — Он может мигом достать все, что угодно. Все, что только пожелаешь, от девчонки до мороженки. Испытай его. Прямо сейчас. Попроси достать мороженое, и ты получишь его тут же. Только скажи!

— Но я не хочу...

— Билли, достань Лину мороженое!

— Один момент, — сказал Билли, откладывая в сторону чиллум.

— Нет, Билли, — сказал я с протестующим жестом. — Я не хочу мороженого.

— Но ты ведь любишь мороженое, я знаю, — сказал Викрам.

— Не настолько, чтобы посылать за ним гонца. Сиди спокойно, приятель.

— Если уж он собрался что-то достать, — прозвучал из тени голос Конкэннона, — я голосую за то и другое: за мороженое и за девчонку. За двух девчонок. И побыстрее шевели своей жопой!

— Ты его слышал, Билли? — спросил Викрам.

Он шагнул к кровати и начал стаскивать с нее Билли, но в этот миг раздался новый голос, глубокий и звучный, исходивший от распростертого на кровати тела. При звуках его Викрам замер, как под дулом пистолета.

— Викрам, — сказал этот голос, — ты ломаешь мне кайф, старик!

— О черт! О черт! О черт! Прошу прощения, Деннис, — быстро забормотал Викрам. — Я тут просто знакомлю Лина с ребятами, ну и...

— Лин, — произнес человек на постели и, открыв глаза, уставился на меня.

Глаза были на удивление светлыми, с бархатистым сиянием.

— Меня зовут Деннис. Рад познакомиться. Будьте как дома. *Mi casa es su casa*¹.

Я подошел и пожал вялое птичье крылышко, приподнятое навстречу мне Деннисом, а затем вернулся к изножью кровати.

¹ Мой дом — ваш дом (*исп.*).

Деннис провожал меня взглядом. Губы его сложились в слабую доброжелательную улыбку.

— Ух ты! — сказал Викрам, становясь рядом со мной. — Деннис, дружище, рад видеть тебя вернувшимся. И как оно было на той стороне?

— Было тихо, — выдохнул Деннис, не прекращая улыбаться мне. — Очень тихо. Вплоть до недавних мгновений.

К нам присоединились Конкэннон и Навин Адэр, начинающий детектив. И все глазели на Денниса.

— Это большая честь, Лин, — сказал Викрам. — Деннис глядит на тебя.

Ненадолго установилось молчание, прерванное Конкэнноном.

— Вот ни хрена себе! — прорычал он сквозь ухмылку, скорее похожую на оскал. — Я торчу здесь уже гребаных полгода, делюсь опытом и знаниями, курю твою дурь и пью твой виски, и за все это время ты лишь дважды открыл глаза. Но стоило только Лину войти в дверь, и ты уставился на него так, будто он весь горит ярким пламенем. Ну а я-то кто, по-твоему: кусок говна ходячий?

— По всему, так прямо вылитый, — негромко заметил Винсон. Конкэннон расхохотался. Деннис моргнул.

— Конкэннон, — прошептал он, — я люблю тебя, как хорошего призрака, но ты ломаешь мне кайф.

— Прости, Деннис, дружище, — ухмыльнулся Конкэннон.

— Лин, — произнес Деннис, в то время как его голова и тело сохраняли полную неподвижность, — не сочти меня грубым, но сейчас я должен отдохнуть. Был рад тебя повидать.

Он повернул голову на один градус в сторону Викрама.

— Викрам, — пробормотал он все тем же густым рокоchущим басом, — будь добр, кончай эту суету. Ты ломаешь мне кайф, приятель. Сделай одолжение, заткнись.

— Конечно, Деннис. Извини.

— Билли Бхасу? — тихо позвал Деннис.

— Я тут, Деннис.

— К черту мороженое.

— К черту мороженое, Деннис?

— К черту мороженое. Никто не получит мороженого. Только не сегодня.

— Как скажешь, Деннис.

— Значит, с мороженым все ясно?

— Да: к черту мороженое, Деннис.

— И я не хочу слышать слово «мороженое» как минимум в ближайшие три месяца.

— Как скажешь, Деннис.

— Вот и ладно. А теперь, Джамал, набей мне еще один чиллум. Побольше и позабористей. Гигантский, легендарный чиллум. Это будет как акт милосердия, почти наравне с чудом. Всем пока — и здесь, и там.

Деннис сложил на груди руки, закрыл глаза и вернулся к своему отдыху: застывший как мертвец, при пяти слабых вдохах в минуту.

Никто не шевелился и не подавал голоса. Джамал со всей возможной оперативностью занялся приготовлением легендарного чиллума. Все прочие смотрели на Денниса. Я дернул Викрама за рубашку.

— Давай-ка выйдем, — сказал я и потянул его прочь из комнаты. — Всем пока — и здесь, и там.

— Эй, подождите меня! — позвал Навин, выскакивая вслед за нами из французских дверей.

На улице свежий воздух взбудрил Викрама и Навина. Шаг их ускорился, подстраиваясь под мой.

В тенистом коридоре, образуемом стенами трехэтажных домов и густыми кронами платанов, дул бриз, принося рыбный запах с близлежащего причала Сассуна.

В промежутках между деревьями на улицу прорывались лучи солнца. Попадая в очередное пятно слепящего жара, я чувствовал, как меня накрывает солнечный прилив, чтобы затем вновь отхлынуть под сенью листьев.

Небо было бледно-голубым, затянутым легкой дымкой — как обкатанное волнами стекло. На крышах автобусов сидели вконец обленившиеся вороны, «зайцами» перемещаясь в сторону более прохладных частей города. Крики людей, кативших ручные тележки, звучали решительно и свирепо.

Это был один из тех ясных бомбейских дней, когда жители города, мумбаиты, испытывают непреодолимое желание петь; и я услышал, как проходивший мне навстречу человек напевает ту же самую любовную песню на хинди, что в тот момент мурлыкал и я.

— Забавно, — сказал Навин. — Вы с ним оба пели одну песню.

Я улыбнулся и хотел было исполнить еще пару-другую куплетов — как у нас принято в стеклянно-голубые бомбейские деньки, — но тут Викрам вмешался с вопросом:

— Ну и как все прошло? Забрал?

Я стараюсь не слишком часто ездить в Гоа, в том числе и потому, что при каждой такой поездке знакомые нагружают меня всякими дополнительными поручениями. Вот и на сей раз, когда я тремя неделями ранее сказал Викраму, что собираюсь в Гоа, он попросил меня об услуге.